

Ци Хань всегда ненавидел ночь, особенно ненавидел луну.

Тусклый, обманчивый свет луны неизменно напоминал ему о той ночи, когда его отец погиб страшной смертью. Этот свет был словно нескончаемый погребальный звон, безжалостно и ясно напоминавший ему об одной простой истине:

В этом мире больше не было никого, кто мог бы его полюбить и подарить ему дом. Эту истину когда-то разрушил восемнадцатилетний Фу Гэ.

А теперь двадцатитрёхлетний Фу Гэ вернул всё на свои места.

За свои короткие и полные взлётов и падений двадцать с небольшим лет, у Ци Ханя был только один любимый человек — Фу Гэ. Маленький бета подарил ему слишком много тепла и смелости, как мягкая раковина, что укрывает твёрдую, но расколотую жемчужину.

Они когда-то снимали небольшую квартиру. Прожили там меньше двух месяцев, но Ци Хань мысленно успел сделать её своим домом на ближайшие десять, двадцать лет.

Фу Гэ заботливо убрал из дома все острые предметы и украсил его милыми безделушками, создавая ощущение уюта и защищённости.

В первую же ночь после переезда Фу Гэ, крепко держась за его руку, остановился в гостиной и с загадочным видом указал на диван, полный каких-то вещей.

На подушке было вышито имя Ци Ханя, на дне миски для лапши прятался нарисованный медвежонок, а на манжетах домашнего халата аккуратно выткано «ЦХ» — его инициалы.

Фу Гэ с улыбкой показывал ему каждую деталь: подушка А Ханя, миска А Ханя, пижама А Ханя... А в конце, шутливо хлопнув себя по голове, добавил:

— А это, это! Бета А Ханя.

Только та любовь, что проникала в самое сердце, могла проявляться в таких мелочах — искренне и тепло, прячась в каждом, даже самом незаметном жесте.

Два одинаково одиноких мальчишки. Фу Гэ вкладывал в него всё, что имел, стараясь залечить его раны, а Ци Хань... раз за разом толкал его обратно в ад.

И поэтому он прекрасно понимал, что всё, что происходит сейчас, — это расплата за его грехи.

С того момента, как значок с цифровой планетой появился впервые, Ци Хань сразу почувствовал

неладное.

Фу Гэ всегда терпеть не мог числа. Он избегал их и в рисунках, и даже в повседневной одежде. Поэтому было странно, что, увидев значок впервые, он вдруг проявил к нему интерес и даже попросил его у Ци Чуаня.

Ци Хань нанял людей проверить Ци Чуаня и этот значок. Вскоре он выяснил, что до того, как вернуться в страну и взять на себя семейный бизнес, Ци Чуань пять лет учился за границей на психолога. А значок с цифрами был его любимым инструментом для гипноза.

Первая мысль Ци Ханя была очевидной: Ци Чуань пытается использовать гипноз, чтобы навредить Фу Гэ.

Но вскоре он понял, что каждый раз, когда поведение Фу Гэ менялось, а воспоминания путались, это было связано именно с этим значком.

У маленького бета были серьёзные провалы в памяти, но стоило ему встретиться с Ци Чуанем, как он вдруг вспоминал абсолютно всё.

Изначально Ци Хань думал, что это связано с феромонами. Его собственные феромоны улучшали состояние Фу Гэ, и врачи предупреждали: из-за этого тот будет непроизвольно тянуться к нему.

Но это тёплое влечение исчезало, стоило Фу Гэ хоть немного задержать взгляд на значке. Оно тут же сменялось холодной отстранённостью и едва ли не ненавистью.

До того, как сжечь альбом с рисунками, разбить кольцо и вырезать ему печать с медвежонком, Фу Гэ подолгу смотрел на значок. Но Ци Хань ни разу не увидел в его глазах даже намёка на симпатию к этой безделушке. Исключив все невозможные варианты, он пришёл к единственному выводу:

Значок не гипнотизировал Фу Гэ. Наоборот, он помогал ему сохранять ясность.

А когда Фу Гэ сам признался, что Ци Чуань был учеником его наставника, Ци Хань окончательно утвердился в своей догадке.

Случайные люди не стали бы так помогать. Но если они давно знакомы?

Ци Хань поднял на ноги все свои связи, чтобы раскопать прошлое Фу Гэ за последние пять лет. И выяснил, что кроме первых двух лет, когда тот работал в кофейне, остальная часть его биографии была полностью стёрта.

Кто-то позаботился убрать все следы последних трёх лет, словно маленький бета испарился с лица земли. А потом, в одну самую обычную ночь, он снова появился в жизни Ци Ханя.

И в этот момент все совпадения начали складываться в один зловещий узор.

Почему наутро после той ночи, когда они впервые переспали, Фу Гэ выбежал из виллы и попал под мотоцикл? А спустя столько времени виновника так и не нашли?

Потому что Фу Гэ нужен был веский повод, чтобы заставить Ци Ханя вернуться.

Почему сейф, который Ци Хань искал больше пяти лет, вдруг «случайно» нашёлся сразу после их встречи?

Потому что Фу Гэ прекрасно знал, какой удар нанесёт ему содержимое этого сейфа.

Почему, когда Ци Хань заговорил о том, чтобы использовать феромоны другого альфы, Ци Чуань так быстро оказался в больнице и предложил помощь совершенно бесплатно?

Потому что это было частью их плана.

Почему в тот день, когда в больнице случился скандал, Фу Гэ настоял на том, чтобы перенести капельницу на час позже и, несмотря на тусклый свет, вышел в сад рисовать?

Потому что он знал, что там его ждёт разделочный тесак.

И их отношения с Ци Ханем действительно нуждались в «случайной» катастрофе, чтобы изменить баланс сил. Поэтому Ци Чуань и тот «пострадавший» доктор вместе с Фу Гэ разыграли весь этот спектакль.

А после этого инцидента и «пострадавший» доктор, и лечащий врач Фу Гэ исчезли почти одновременно. Когда Ци Хань поручил Чэнь Сину проверить их досье, оказалось, что оба они устроились в эту больницу как раз три года назад.

Тот самый год, когда были стёрты все социальные связи Фу Гэ.

Фу Гэ с самого начала не терял память. Он просто использовал гипноз, чтобы запутать своё сознание, а потом вернулся к Ци Ханю — израненный, слабый, чтобы тот сам на себе прочувствовал, через что ему пришлось пройти.

Ци Хань должен был понять это раньше. Его любимый никогда не был мягким и слабым, как легкоранимая лиана. Он всегда был ёжиком с острыми иглами: вся его нежность и тепло были

обращены внутрь, а вся ярость и ненависть — наружу.

Он потратил целых три года, чтобы сплести эту сеть, в каждой её нити была сталь, и она сомкнулась вокруг Ци Ханя, как смертельная ловушка.

А Ци Хань был единственной жалкой жертвой в этой паутине.

Хотя эта жертва уже отдала всё, что имела.

Пустая больничная палата. Ци Хань сидел в тишине и медленно перелистывал рисунки, аккуратно складывая их в папку. Листы шуршали в тёплом, медово-жёлтом свете лампы, тени от пальцев скользили по белым полям бумаги.

Он неожиданно вспомнил, как когда-то Фу Гэ уже лгал ему.

Он не помнил точно, из-за чего тогда всё произошло. Кажется, Фу Гэ сделал что-то опасное, заранее зная, что Ци Хань никогда бы этого не одобрил. А потом решил всё скрыть и даже попросил друзей прикрыть его.

Ци Хань тогда был не столько зол, сколько раздавлен. Он не переносил ложь в отношениях.

Его отец в своё время поверил сладким речам той женщины, женился на ней, и это обернулось трагедией.

Тогда Ци Хань долго разговаривал с Фу Гэ. Осторожно, не называя имён, рассказал ему о той женщине и, почти нерешительно, попросил:

— Брат, давай больше так не будем, ладно? Неважно, что ты натворил, неважно, как сильно ты хотел меня уберечь... только не ври мне. Если что-то случится, просто скажи. Я всегда буду на твоей стороне, я всегда помогу, но... только не ври, хорошо? Я... я правда этого боюсь...

Фу Гэ тогда выглядел ужасно виноватым и одновременно трогательно жалким. Он прижался к нему всем телом, осыпая поцелуями лицо, и снова и снова шептал:

— Прости меня. Больше никогда. Я обещаю, слышишь? Никогда больше не буду врать. Пока я люблю тебя — я буду тебе верен. Пожалуйста, поверь мне, ладно?

Листы остановились. Пальцы Ци Ханя застыли на месте. Он так и не поднял головы, только губы дрогнули в горькой, надломленной усмешке:

— Я верил. Я всегда верил. Ты ведь всегда выполнял свои обещания.

Так почему же сейчас ты врѣшь мне?..

Ци Хань прикрыл глаза, и в глухой темноте мысленно ответил сам себе:

Потому что той любви, что ты дарил мне, больше нет. А раз нет любви, значит, и верности тоже нет.

Ци Хань аккуратно свернул последний рисунок, спрятал его в тубус и тихо щёлкнул замком на двери палаты.

Если бы Фу Гэ сейчас вошёл сюда, то увидел бы, что вся комната заполнена вещами, связанными только с ним.

Рисунки, нарисованные ещё в юности. Прессованные цветы боярышника, которые Фу Гэ так любил. Обугленные обрывки сожжённого альбома, раздробленные осколки бриллиантового кольца и обрезанная голубая атласная лента...

Ци Хань называл все эти обломки своими «погребальными вещами». Это было единственное, что он мог унести с собой в могилу после смерти.

Пока Фу Гэ шаг за шагом разрушал его жизнь, Ци Хань молча готовил себе последний приют.

Он не знал, чего на самом деле хочет его маленький бета.

Хочет ли он полностью уничтожить его репутацию? Или заставить его страдать настолько, чтобы смерть показалась спасением? Ци Хань не мог знать этого наверняка.

Ему было уже всё равно, чем всё закончится. Он хотел лишь уйти как можно более достойно.

Ночной ветер был колючим, пробирал до костей и вызывал ледяную дрожь.

Ци Хань осторожно вошёл в палату Фу Гэ и поправил на нём одеяло. Однако стоило ткани зашуршать, как Фу Гэ тут же проснулся, затуманенным взглядом уставился в темноту и машинально сунул руку под подушку.

Заметив, что это всего лишь Ци Хань, он замер и, пытаясь скрыть замешательство, лениво потянулся:

— Ты чего не спишь?

— Рано ещё. Ночью прохладно, вот пришёл тебя укрыть.

Фу Гэ потянулся было включить свет, но Ци Хань мягко остановил его руку:

— Не включай. Слишком ярко, ты сразу проснёшься. Я просто так на тебя посмотрю.

Фу Гэ хмыкнул, переплёл их пальцы и, подложив их себе под щёку, лениво пробормотал:

— Ты же весь день на ногах, почему не отдыхаешь? Работы много? Может, помочь тебе чем?

— Конечно, приходи, я научу, — с тёплой усмешкой ответил Ци Хань и, чуть поколебавшись, вдруг сказал:

— Я тут только что смотрел свадебные площадки. Думал, может, устроим церемонию и медовый месяц в феврале. Как тебе?

Фу Гэ заметно напрягся, но в темноте это было не разглядеть. Он коротко фыркнул:

— Почему ты вообще смотришь такое посреди ночи?

Ци Хань не ответил. Он молча лёг рядом, крепко прижал его к себе, и только спустя несколько минут, когда тишина почти стала гнетущей, тихо прошептал:

— Наверное, потому что жизнь такая непредсказуемая. Вдруг завтра меня не станет, и если мы успеем пожениться, может, мой призрак хотя бы будет знать, куда возвращаться.

— Да что ты такое несёшь! — Фу Гэ хлопнул его по плечу, недовольно пробурчав: — Поздно ночью болтаешь о всякой чепухе, фу-фу-фу, быстро сглазь обратно!

Ци Хань тихо рассмеялся и, зарывшись лицом в его плечо, почти шёпотом попросил:

— Фу Гэ, ну скажи. Пожалуйста. Поженимся?

Ответ прозвучал холодно и отстранённо, как лезвие, пронзающее темноту:

— А Хань так сильно хочет свадьбу?

— Да, — так же тихо и покорно подтвердил он. — Мне и не нужно больше ничего...

Он прикрыл глаза, слова сорвались с губ едва слышным шёпотом:

— Фу Гэ, устроим свадьбу, а я взамен отдам тебе всё, что ты захочешь.

<http://bllate.org/book/14453/1278331>